

Об одной стратегии текстопорождения у Георгия Иванова

Кац Евгения Александровна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

email: jkats@mail.ru

Для раннего периода творчества Георгия Иванова характерно следование традициям, которые воспринимались как образцовые для поэтического дискурса. В поздний период находится место эксперименту. Новизна рассматриваемых приёмов относительна: прежде всего это новаторство для самого Г. Иванова, внутри его идиолекта. Между тем, интересно проследить за техникой изменений, само наличие которых является общим местом в исследованиях, посвящённых этому поэту.

Одну из стратегий текстопорождения, появляющуюся в поэзии Георгия Иванова позднего периода, условно можно назвать иконической¹. Она реализуется в таком наборе семантических и несемантических элементов текста, который отражает развитие смыслового уровня стихотворения. Проявления этой стратегии могут быть в языковом отношении нормативны, а могут и нарушать общезыковые нормы – явление, для раннего Георгия Иванова нехарактерное.

При анализе текстов, реализующих эту стратегию, важно обратить внимание на отношение к языку, которое в них проявляется. В ранних сборниках воплощение замысла (поэтическое изображение эмоции, например) осуществлялось, прежде всего, за счёт выстраивания сложной семантической структуры на денотативном и коннотативном уровне в пределах норм общелитературного языка. В поздней поэзии выразительным материалом становятся разные уровни языка, а общезыковые нормы могут нарушаться.

1. Фонетический уровень

«Солнце село и краски погасли...» [ГИ, 302]: простые предложения, разговорность, выраженная на лексическом уровне (*штучка, не особенно, притом, а всё-таки*), бытовое сравнение (*Как сардинка в оливковом масле, Одинокая тучка плывет*), диалогичность (*Ну, а все-таки, милая тучка*) в первых двух строках характеризуют внутреннего отправителя как включённого в бытовую картину мира, типичную для повседневного дискурса. Во второй строке происходит переключение внутрь "я"-субъекта (*Я тебя в это сердце возьму*) – мир, устроенный по-другому, в нём царит музыка и поэзия (*Прекрасная Дама*). Разговорность не исчезает (*всевозможного хлама, увидишь сама*), но одновременно появляется музыкальность. В двух строках, где говорится о музыке, используются поэтические приёмы, придающие им музыкальное звучание: анафора (*Много в нем... Много музыки...*), ассонанс (на 8 фонетических слов 4 ударных [о] и 3 ударных [а]), аллитерация (в каждом фонетическом слове повторяется звук [м]). Фонетический уровень – уровень звука. И он ярко выделяется именно тогда, когда речь идёт о музыке.

2. Грамматика

В стихотворении «"Желтофиоль" – похоже на виолу» [ГИ, 300–301] рассмотрим строки *И, подчиняясь рифмы произволу, Мне все равно – пароль или король*. На лексическом уровне «мне всё равно» проиллюстрировано парой *пароль – король*. Но в строфе, кроме рифм на –оль, есть и три рифмы на –олу: их «произвол» заставляет пренебречь правилами употребления деепричастия. Этот пример, однако, не может быть признан абсолютно надёжным, так как употребление деепричастия на грани нормативности есть и в других поздних стихотворениях Георгия Иванова.

«Друг друга отражают зеркала...» [ГИ, 277]. Здесь идея отражения проявляется в синтаксическом параллелизме второй и третьей строфы и в самом, основанном на противопоставлении, «зеркальном» построении этих строф (*Я верю не в непобедимость зла, А только в неизбежность поражения. // Не в музыку, что жизнь мою сожгла, А в пепел, что остался от сожженья*).

¹ Здесь имеется в виду предложенный Ч. Пирсом принцип выделения иконических знаков – «на основе подобия означающего и означаемого» [ЛЭС, 168]. Т.е. реализующий иконическую стратегию текст языковыми средствами создаёт образ того, о чём сообщает.

3. Семантика.

Тему стихотворения «Вот более иль менее...» [ГИ, 297–298] можно обозначить повторяющимся в нём словом *недоумение* («состояние, вызванное непониманием, неясностью чего–л.», «затруднение, сомнение, возникающее из–за чего–л. неясного, непонятого» [МАС]). В разных вариантах присутствующее в тексте выражение *более или менее* («до известной степени, отчасти» [МАС]) с первых же строк используется с нарушением норм общелитературного языка. Ненормативность *Вот более иль менее Приехали в имение* ощущается сразу и значительно усиливает создающееся внутренним отправителем состояние недоумения. События, которые в нормальной картине мира могут быть восприняты только однозначно (или приехали, или нет), показываются как неопределённые. «Более или менее» относится к событийному предикату и к предикатам тождества. «Приехать ... прибыть куда–л., достичь какого–л. места...» [МАС]. Результат действия «приехать» – оказаться в каком–либо месте, при этом «оказаться где–либо более–менее (т.е. частично)» невозможно. Тот же ход рассуждений можно применить к предикатам тождества: невозможно являться чем–то частично (*Вот менее иль более Дорожки, клумбы, поле...*). Строятся языковые конструкции, которые невозможно ясно понять.

«Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...» [ГИ, 300]. В первой же строке возникает расслоение "я"–субъекта на умершее «тело» и некое сохранившееся «я», мыслящее и говорящее. Здесь проявляется двойное зрение, упомянутое во второй строфе (*Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья*).

В стихотворении «Мелодия становится цветком» [ГИ, 301] идея перевоплощения (*и перевоплощается мелодия*) реализуется в постепенном появлении в тексте сначала отдельных деталей, отсылающих к возможному восприятию внешнего облика и к биографии М. Ю. Лермонтова (*тяжелый взгляд, сиянье эплет, рейтузы, ментик...*), по которым читатель уже может начать догадываться, что речь идёт о конкретном человеке, затем отдельными словами – аллюзиями к его текстам (*Гуман... Тамань...*), затем – точной цитатой (*Пустыня внемлет Богу*) и, наконец, прямым названием – входящим в текст стихотворения изображением – воплощением музыки (*И Лермонтов один выходит на дорогу, Серебряными шпорами звеня*).

Литература

ГИ – Иванов Г. В. Стихотворения. СПб., 2005.

ЛЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.